

«Чем сильнее табу, тем притягательнее оно для загнанного в угол человека»

— Ся Сяонань? Я только что проверил, она еще не проснулась, — приставленный наблюдать за больницей офицер криминальной полиции только закончил есть и не спеша направлялся в стационар. — Что случилось, босс? Разве ты не сказал, что мы допросим девочку через несколько дней, когда ее психологическое состояние улучшится?

В телефонной трубке раздался резкий автомобильный гудок. Ло Вэньчжоу спешно сказал:

— Ся Сяонань не свидетель, она одна из подозреваемых. Не спускай с нее глаз!

— А? Кто? Хочешь сказать Ся Сяонань...

Офицер, толкнувший дверь больничной палаты, неожиданно замолк.

Сердце Ло Вэньчжоу тут же ухнуло вниз.

— Босс, Ся Сяонань пропала!

Ло Вэньчжоу надавил на педаль газа.

— Ся Сяонань уроженка этого города. Ее отца звали Ся Фэй, у него был рак легких, поэтому он не мог устроиться на постоянную работу. Время от времени он подрабатывал зазывалой в закусочных. Он умер несколько лет назад. Мать девочки все свое время посвящала уходу за больным мужем и семьей, в которой были дети и старики. Вероятно, она была очень подавлена и слишком близко принимала все к сердцу, в итоге она покончила с собой, спрыгнув со здания. — Фэй Ду включил свой телефон на громкую связь, из трубки раздавался голос Тао Жаня: — С малых лет эту девочку характеризовали, как «разумную» и «замкнутую», и она всегда хорошо училась. Она из тех учеников, что ходят на занятия, даже болея, и носят униформу на каникулах. Для таких детей учеба и поступление в хороший университет — единственный способ изменить свою судьбу.

— Ее семья имеет какое-то отношение к делу «327» или Лу Гошэну?

— Нет, они самые обычные люди. Помимо несчастливой судьбы в их семье нет ничего примечательного. Последние три поколения никогда не были в районе Лотосовой горы, у них там даже родственников нет. Не представляю, откуда она могла знать Лу Гошэна и какую обиду затаила на Фэн Биня, чтобы захотеть его убийства и расчленения.

Закончив раздавать приказы, Ло Вэньчжоу завершил вызов и повернулся к Фэй Ду:

— Ты упомянул насилие в школе, возможно ли, что Фэн Бинь издевался над ней, поэтому девочка решила любой ценой отомстить?

— Вы проанализировали почерк Фэн Биня? Если вы подтверждаете, что письмо написано его рукой, то не думаю, что это так. Не похоже, что в нем прослеживается тон агрессора, — сказал Фэй Ду. — Кроме того, разве сама Ся Сяонань не была испугана до смерти? Если она притворялась, то ее игра уж слишком хороша.

Фэй Ду, вероятно, привык быть боссом, поэтому хорошо понимал, какие слова понравились бы ему самому, как начальнику. Он очень редко выдвигал хаотичные предположения, чтобы не нарушать ход мыслей собеседника. Он дал бы свое заключение, если бы оно у него было. В

противном случае, он бы предоставил четкий анализ собственных предположений. Это было очень просто.

Ло Вэньчжоу взглянул на него в зеркало заднего вида и сказал Тао Жаню:

— Свяжись с их классным руководителем. У нас есть еще другие сбежавшие ученики. Попроси у их опекунов разрешение поговорить с детьми. Мы скоро будем в больнице.

— Хорошо, — согласился Тао Жань, затем, слегка колеблясь, спросил у Фэй Ду: — Что значит тон агрессора?

Расслабившись, Фэй Ду откинулся на спинку пассажирского сиденья. Время от времени свет фар встречных автомобилей то ярко освещал, то погружал его лицо в сумрак. Вокруг юноши витал устойчивый аромат каштанов, накрепко впитавшийся в шерстяные волокна его пальто.

— Когда обидчики вырастают, учатся корректному поведению и начинают беспокоиться о том, что их собственные дети будут подвергаться травле, они осуждают издевательства в школе в соответствии с общепринятыми нормами общества. Однако, вспоминая свое поведение в юности, в глубине души они все равно испытывают некую браваду. Ведь подсознательно они считают, что это не вред, а достижение. Так называемое насилие в школе в конечном счете является лишь социальным порядком внутри группы.

Если только однажды они сами не оказывались на месте жертвы.

— Но ведь учитель и родители только что были здесь, в бюро общественной безопасности, — сказал Тао Жань. — Если кто-то действительно издевался над детьми, то почему они ничего нам не сказали?

— Тао Жань-гэ, — улыбнулся Фэй Ду, — закрытая школа-интернат может стать своего рода экологической средой, где формируются свои собственные законы и правила. То, что ты считаешь нормальным, покажется непостижимым для других. Например, если бы ты сказал людям, жившим две тысячи лет назад, что мы живем на земном шаре, поверил бы тебе хоть кто-нибудь?

Ло Вэньчжоу повернул руль, и впереди показалась больница.

Поначалу они думали, что Ся Сяонань была выжившим свидетелем, поэтому приставили следить за ней не слишком много людей. Лишь из беспокойства, что за девочкой будет некому присмотреть, они оставили кое-кого рядом с ней. Постепенно к больнице стали прибывать группы сотрудников муниципального бюро, полицейские машины все больше загромождали и без того переполненную парковку.

— Вместе с ней был дедушка, поэтому я пошел перекусить, — получивший приказ дежурить в больнице полицейский казался раздосадованным, — пока меня не было, старик пошел в туалет. Ему трудно двигаться, вероятно, у него ушло на это около десяти минут, и за это время она сбежала.

Специально для прогулок пациентов прямо в стационаре располагался маленький сад, который сейчас был закрыт. Камеры видеонаблюдения зафиксировали, как Ся Сяонань тихонько покинула свою палату, пересекла садик, перелезла через каменную ограду и исчезла в неизвестном направлении.

Лоб дедушки Ся Сяонань покрылся испариной. Старик стоял и дрожал, опираясь на свое

кресло, и долго и неразборчиво что-то говорил. Осознав, что его никто не понимает, он сердито закричал, напоминая низшего мифического зверя, что случайно забрел в человеческий мир, такого же уродливого и беспомощного.

Полицейский-криминалист собирался подойти к нему, но Ло Вэньчжоу остановил его:

— Подожди, пока не говори ему.

Ло Вэньчжоу направился к старику, который в свою очередь оттолкнулся от инвалидного кресла и, пошатываясь, двинулся к нему на встречу, на ходу выкрикивая длинную тираду. Поняв, что Ло Вэньчжоу ему не отвечает, он наконец вспомнил о том, что сам он наполовину немой, и посторонний человек может попросту не понять его. Поэтому он отчаянно схватил Ло Вэньчжоу за одежду, беспомощно закрыл рот и заплакал.

Ло Вэньчжоу похлопал мужчину по руке, сказав:

— Дядя, помимо школы, куда могла пойти Ся Сяонань?

Старик пошевелил одеревеневшим языком и с трудом произнес:

— ... домой.

— Только домой? Неужели она нигде не развлекается? У нее нет друзей, к которым она ходит в гости?

Услышав это, старик вдруг опечалился. Он открыл свой широкий беззубый рот и зарыдал.

***

Самую длинную ночь в году тихо сковал лютый мороз.

Похоже, выпал небольшой снежок.

Взяв с собой несколько человек, Ло Вэньчжоу отвез дедушку Ся Сяонань домой. Вместе с тем, с разрешения старика он вошел в комнату девушки. На самом деле помещение представляло собой лишь отгороженное пространство, в котором едва хватало места, чтобы поставить кровать. Здесь не было даже двери, ее заменяла свисающая занавеска. Тумбочкой служила старая нерабочая швейная машинка с розовой ручкой из дешевого пластика. Только эта вещь указывала на то, что комната принадлежит молодой девушке. Не было здесь и лишних шкафов; несколько предметов ее старой одежды были сложены у изголовья кровати и накрыты куском белой ткани. Под кроватью лежало множество книг, в основном учебники и тетради; она хранила даже те, которыми пользовалась в начальной школе.

Нагнувшись, Фэй Ду поднял тетрадь и пролистал ее. Он увидел, что все свободное пространство в ней было исписано заметками. Почерк был красивым и аккуратным. На тех страницах, где не хватало места, чтобы дописать, девочка клеивала маленькие листы бумаги, делая тетрадь из двухсот страниц толщиной со словарь современного китайского языка.

Фэй Ду пролистал записи Ся Сяонань и ясно ощутил, что ребенок не умел мыслить логически. Для любой чуть более сложной темы ей приходилось делать много аналитических заметок. Очевидно, что у девочки были средние способности; свои неизменно отличные оценки она получала, вкладывая в учебу много времени и сил.

— Что ты думаешь? — спросил Ло Вэньчжоу.

— Тао Жань был прав, — Фэй Ду закрыл тетрадь. — Она из тех девочек, которые ходят в школу, когда болеют, и носят форму на каникулах. Если она причастна к убийству Фэн Биня, то скорее всего ее принудили.

— Если ее принудили, то куда она могла сейчас пойти? Девочки нет ни дома, ни в больнице. Я послал человека понаблюдать за школой, но пока нет никакого движения. У этой Ся Сяонань нет друга, которому она могла бы поплакаться... — тон Ло Вэньчжоу переменялся: — Могла ли она отправиться на поиски человека, который принудил ее?

— Зачем ей искать его? Чтобы свести с ним счеты? Избить его, арестовать и отдать в руки правосудия? — Фэй Ду беспомощно посмотрел на него. — Шисюн, если бы ее склад ума был схож с твоим, девочка уже давно бы провозгласила себя гегемоном школы. Кто бы посмел принудить ее?

Ло Вэньчжоу:

— ...

Язык Фэй Ду, возможно, уже достиг просветления. В прошлом, когда они враждовали, даже соглашаясь с взглядами Ло Вэньчжоу, он не упускал возможность съязвить. Теперь же, когда отношения между ними наладились, даже если их мнения различались, он мог возразить так, что Ло Вэньчжоу это совсем не задевало.

Тон Ло Вэньчжоу невольно смягчился:

— Куда еще она могла пойти?

Фэй Ду ответил не сразу, его взгляд блуждал по похожей на раковину улитки комнате Ся Сяонань. На скатерти, свисавшей со сломанной швейной машинки у изголовья кровати, он заметил пятно, словно кто-то тер это место рукой на протяжении многих лет. Фэй Ду отогнул уголок скатерти и обнаружил под ней коробку для шитья.

В коробке для шитья лежало семейное фото в маленькой фоторамке, на бумажной подложке которой было написано: «Моей дочери Сяонань». Почерк казался более зрелым, но все равно напоминал стиль письма Ся Сяонань.

— то... да-а ее ма-а, — позади них раздался хриплый голос, — в какой-то момент дедушка Ся Сяонань подошел к двери и смотрел на них.

В тот же миг фотоснимок выскользнул из открытой рамки. Внутри было спрятано письмо - это была предсмертная записка, оставленная матерью Ся Сяонань перед самоубийством.

Фэй Ду медленно поднял голову:

— Тао Жань сказал, что ее мать спрыгнула со здания. Откуда она сбросилась?

Ло Вэньчжоу вздрогнул от ужаса.

***

Мимо с воем пронеслись полицейские машины, оставляя на извилистой дороге красно-синие отсветы мигалок.

— Мать Ся Сяонань звали Сунь Цзин. При жизни она работала уборщицей в младшей средней школе. Она прыгнула с административного здания школы. Я отправил вам адрес, — спешно сказал Тао Жань. — Пожарные и машины скорой помощи скоро будут там!

— Средняя школа номер сорок три, — в машине Фэй Ду прочитал краткий отчет, присланный Тао Жанем, — здесь училась Ся Сяонань, когда ее мать сбросилась со здания. В момент ее самоубийства девочка занималась в классе самоподготовки, который было видно из административного здания. Возможно, женщина хотела в последний раз взглянуть на свою дочь.

— Ее мать решила уйти, оставив позади семью, и прыгнула со здания прямо на глазах у своего ребенка. Разве после этого Ся Сяонань не возненавидела ее? Как думаешь, почему она пошла по ее стопам?

— Это распространенное явление. Человек часто становится тем, кого больше всего ненавидит, — пожал плечами Фэй Ду. — Чем сильнее табу, тем притягательнее оно для загнанного в угол человека. Например...

Но прежде, чем юноша успел договорить, Ло Вэньчжоу вдруг схватил его за руку.

<http://bllate.org/book/12932/1135186>